Главы из книги военврача 3-го ранга начальника медико-санитарной службы 2-го ОАД БО ГБ ЧФ Ятманова Ивана Степановича «Такое не забывается». Воспоминания о героической обороне Одессы и Севастополя в 1941–1942 гг.

Военврач 3-го ранга
И.С. Ятманов
в январе–июле 1942 был
начальником медико-санитарной
службы 2-го отдельного
артиллерийского дивизиона
береговой обороны главной базы
Черноморского Флота

«...22 июня штаб дивизиона со всем хозяйством перебрался в район Стрелецкой бухты. Санитарная часть дивизиона пока осталась на прежнем месте. Теперь она оказалась на самом переднем крае обороны и подвергалась беспрерывному жестокому обстрелу противника. Связь между штабом дивизиона и санчастью прекратилась. Раненые уже не поступали к нам.

В ночь на 24 июня и мы погрузили в автобус самое необходимое из медицинского и санитарно-хозяйственного имущества, оставшееся перебили, облили керосином подожгли и выехали.

Улицы города были загромождены развалинами зданий, повалившимися столбами, переплетениями проводов. Машина с трудом пробиралась, постоянно меняя направление в поисках прохода среди развалин.

Мы добрались до батареи № 14 нашего дивизиона и разместились в потерне бетонного массива. Эта батарея пока действовала, хотя боеприпасы её тоже были на исходе. Теперь дивизионная санчасть слилась с санчастью батареи.

Здесь мы установили через посыльного санитара связь с военфельдшером Беликом, Андреевым. И санинструктором Кубанцевым.

Раненых, прибывавших от них, на санитарном автобусе мы отвозили к оконечности Камышовой бухты, где ещё кое-как функционировал госпиталь.

На батарее № 14

После того, как были подорваны наши батареи дислоцированные на Северной стороне, единственная оставшаяся батарея № 14 методично вела огонь по скоплениям неприятельских частей: по местам бывших наших 2,12, и 702 батарей, по инженерной пристани и Сухарной балке. Корректировку огня вели старший лейтенант П.А. Носырев и лейтенант О.П. Белый.

Из наградного листа на командира – корректировщика БС-14 старшего лейтенанта Носырева Петра Александровича можно узнать, он с 1920 года рождения, русский, член ВКП(б), с 1939 года в РККА, участвовал в боях – Бессарабия, Одесса, Севастополь… Контужен под Севастополем.

Командир взвода управления БС-14 старший лейтенант П.А. Носырев (пропал без вести 4 июля 1942 г. в Севастополе)

«Тов. Носырев, – написано в наградном листе, – корректирует огонь батарей дивизиона, где проявил себя как опытный артиллерист-корректировщик. Так, благодаря отличной корректировке и определению правильного целеуказания тов. Носыревым, 14 июня 1942 года батарея № 14 в районе Комары уничтожила свыше одного батальона фашистов. 15 июня 1942 года в районе Комары разбила свыше одного взвода фашистов и танк. 17 июня 1942 г. в районе Итальянского кладбища уничтожила около одной роты фашистов. 12-ая батарея 12 июня 1942 г. разбила четыре машины с пехотой.

Тов. Носырев во время бомбёжки и артобстрела на НП 20 июня 1942 года перешёл на другое место, сохранил рацию и продолжал корректировать огонь батарей дивизиона. Тов. Носырев часто не только корректирует, но и управ-

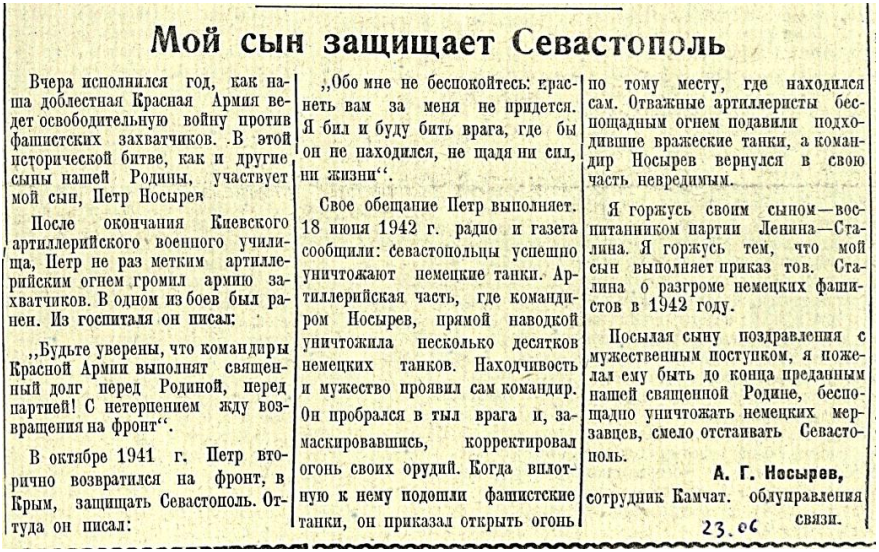
ляет огнём батарей, добиваясь точной подготовки данных с наименьшим расходом снарядов поражать цель противника. Тов. Носырев смел, решителен, своим личным примером показывает стойкость и мужество.

Так 21 июня 1942 г. от разрыва бомбы тов. Носырев был засыпан землёй и контужен, но отправляться в госпиталь отказался и через некоторое время, обнаружив цель, стал корректировать огонь батарей, который своим метким и точным попаданием не раз срывал наступление немецких оккупантов.

За доблесть и мужество, проявленные в боях с немецкими оккупантами тов. Носырев достоин представления к правительственной награде – ордену Красная Звезда.

Командир 2-го ОАД майор Черномазов
Военком 2-го ОАД старший политрук Наумов
Июнь 1942 г.».

Приказом Командующего Черноморским Флота № 39 от 27.06. 1942 г. Носырев был награждён орденом Красного Знамени.



Мой сын защищает Севастополь

Вчера исполнился год, как наша доблестная Красная Армия ведет освободительную войну против фашистских захватчиков. В этой исторической битве, как и другие сыны нашей Родины, участвует мой сын, Петр Носырев

После окончания Киевского артиллерийского военного училища, Петр не раз метким артиллерийским огнем громил армию захватчиков. В одном из боев был ранен. Из госпиталя он писал:

„Будьте уверены, что командиры Красной Армии выполнят священный долг перед Родиной, перед партией! С нетерпением жду возвращения на фронт“.

В октябре 1941 г. Петр вторично возвратился на фронт, в Крым, защищать Севастополь. Оттуда он писал:

„Обо мне не беспокойтесь: краснеть вам за меня не придется. Я бил и буду бить врага, где бы он не находился, не щадя ни сил, ни жизни“.

Свое обещание Петр выполняет. 18 июня 1942 г. радио и газета сообщили: севастопольцы успешно уничтожают немецкие танки. Артиллерийская часть, где командиром Носырев, прямой наводкой уничтожила несколько десятков немецких танков. Находчивость и мужество проявил сам командир. Он пробрался в тыл врага и, замаскировавшись, корректировал огонь своих орудий. Когда вплотную к нему подошли фашистские танки, он приказал открыть огонь по тому месту, где находился сам. Отважные артиллеристы беспощадным огнем подавили подходившие вражеские танки, а командир Носырев вернулся в свою часть невредимым.

Я горжусь своим сыном—воспитанником партии Ленина—Сталина. Я горжусь тем, что мой сын выполняет приказ тов. Сталина о разгроме немецких фашистов в 1942 году.

Посылая сыну поздравления с мужественным поступком, я пожелал ему быть до конца преданным нашей священной Родине, беспощадно уничтожать немецких мерзавцев, смело отстаивать Севастополь.

А. Г. Носырев,
сотрудник Камчат. облуправления связи.

23.06

Заметка из газеты «Камчатская правда» 23.06. 1942 г.

Старший лейтенант Носырев пропал без вести в последние дни обороны Севастополя.

До войны он жил в Петропавловске-Камчатском. Сейчас в школе, где он учился, организован посвящённый ему уголок, и его имя носит один из пионерских отрядов школы. Об этом мне сообщил отец героя, ныне живущий в Петропавловске-Камчатском.

Мемориал в МБОУ средняя общеобразовательная школа № 4 имени А.М. Горького, города Петропавловска-Камчатского с фамилиями павших на фронтах учителей и выпускников школы

За последние дни обороны 14 батарея подавила несколько артиллерийских и миномётных точек противника, установленных в районе бывших наших батарей, уничтожила шлюпочно-десантную группу, пытавшуюся переправится через бухту на южный берег, разбила немецкую легковую автомашину с каким-то высшим морским офицером.

Помню был такой случай, как-то с корректировочного поста старший лейтенант Носырев передал на батарею, что «фрицы» численностью в пехотную роту купаются в море у Учкуевского пляжа. Лей-

тенант Белый тут же направил по ним несколько снарядов. В результате добрая половина купающейся роты была уничтожена метким огнём артиллеристов.

Правда, противник тоже не скупился на ответные залпы по нашим. Их снаряды ложились довольно точно по бетонному массиву нашей батареи, так как немудрено было пристреляться за такой срок.

Часто перед артиллерийским обстрелом появлялся, как зловещий коршун, корректировочный самолёт. Нарисовав дымовое кольцо над батареей, он улетал, а вслед за этим на бетонном массиве начинали рваться фугасные снаряды.

В течение суток неоднократно налетали большими группами бомбардировочные самолёты и сбрасывали свой груз на нас.

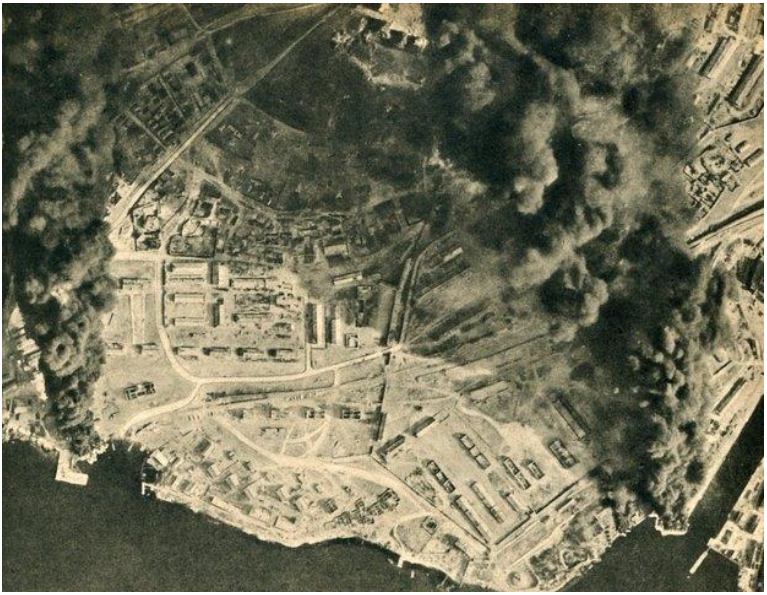
Стены и потолки бетонного массива батареи выдерживали удары снарядов, но не могли устоять перед прямыми попаданиями авиабомб. В результате прямого попадания немецкой авиабомбы была разрушена западная часть бетонного блока.

В последние дни обороны на потерне выходили на волю лишь по ночам, чтобы хоть чуточку подышать свежим воздухом. Люди почти не отдыхали, и днём и ночью готовые ответить на любые действия со стороны противника.

Медико-санитарный батальон со своим стационаром размещавшийся в Инкерманских штольнях «Шампаньвинстроя», перед самым вторжением немцев в Инкерман чуть ли не на глазах гитлеровцев кое-как успел вывезти раненых. Тяжелораненых и носилочных больных перевезли на различных транспортах в районы Круглой и Камышовой бухт, часть раненых, нуждавшихся в срочной эвакуации, доставили на Херсонесский аэродром для отправки их самолётами на Большую землю. Ходячих раненых распустили, и они сами, пешком и на попутных машинах. Добирались в районы Херсонесского мыса или Камышовой бухты.

Некоторая часть раненых и медицинских работников из Инкерманского госпиталя перебазировалась в госпиталь под военно-морским экипажем на Корабельную сторону. Этот подземный госпиталь переполненный тысячами пострадавших, не смог эвакуироваться и попал в лапы фашистов.

Следом за Инкерманским госпиталем по Инкерманскому шоссе подошли к городскому железнодорожному вокзалу немецкие танковые подразделения, а за ними и пехота.



Постановка дымзавес защитниками Севастополя, немецкая аэрофотосъёмка Северной стороны [34]

Другая группа немцев после захвата Инкермана в районе Сухарной балки переправилась через Северную бухту на Корабельную сторону. С 25 июня бои начались уже в самом городе.

Теперь эвакуация раненых производилась медицинскими работниками частей и подразделений с поля боя непосредственно к Камышовой и Круглой бухтам для последующей эвакуации их на Большую землю. Возле госпиталя у Камышовой бухты сконцентрировались раненые почти со всего гарнизона. Мест в помещениях госпиталя не хватало, поэтому большинство раненых оставалось под открытым небом. Днём они забивались в канавы. Рвы, траншеи, в воронки от авиабомб и снарядов и другие естественные укрытия.

Многие из них были совершенно беспомощны, а медицинский персонал уже был не в состоянии оказывать всем своевременную необходимую помощь. Многим раненым приходилось врачебной помощи ждать сутками. Раненые, находившиеся вне помещения госпиталя, в «палатах под открытым небом» большею частью обслуживались фельдшерами. Медицинскими сёстрами, иные просто санитарами, а то и вовсе обходились само и взаимопомощью. Им не хватало пресной воды. Они не получали и горячей пищи.

Карнаух П.М. «Раненый краснофлотец», рисунок

Дни стояли жаркие, без единого облачка и дуновения ветра.

В воздухе висел рыжий туман пыли и дыма. Рвались снаряды и мины. Земля гудела. Гудело и небо. Раненых привозили и приводили в течение круглых суток. Особенно усиливался приток их по ночам.

30 июня мы отправляли из санчасти 14-й батареи последнего оставшегося раненого в госпиталь в Камышовую бухту. Вместе с ним решили эвакуировать на Большую землю заболевшего военфельдшера Евдокию Резец. Взялся сопровождать их на санитарном автобусе до Камышовой бухты лейтенант О.П. Белый. Он надеялся посадить их на какой-нибудь морской транспорт и отправить в тыл.

Дорога, ведущая к Камышовой бухте, на всём протяжении сильно обстреливалась противником, но всё же они добрались благополучно.

В Камышовой бухте не было ни одного транспорта. Раненого им пришлось сдать, вернее, оставить возле переполненного госпиталя. Никто не мог им сказать. Прибудет или нет в течение ночи или хотя бы ближайших суток какой-нибудь транспорт. Посоветовавшись между собой, лейтенант Белый, военфельдшер и шофёр санавтобуса Лихота решили вернуться обратно.

Они вернулись на батарею поздней ночью, но пешком: на обратном пути санавтобус получил серьёзное повреждение от разорвавшегося снаряда, и они вынуждены были оставить его на дороге.

Последний залп 14-й батареи

Местоположение штаба дивизиона и его командира майора Сергея Терентьевича Черномазова после того, как они покинули прежнее место дислокации, мне было неизвестно. Говорили, что они перешли в подвал здания военно-морского училища и оттуда осуществляли общее оперативное руководство последней действующей батареей № 14 и подразделением морской пехоты, сформированной из оставшихся в строю личного состава артиллеристов подорванных наших батарей.

30 июня часу в одиннадцатом вечера к нам в потерну неожиданно пришёл майор Черномазов. Он был одет в армейскую форму в каске, через плечо – автомат и командирская сумка, на поясном ремне несколько гранат и пистолет в чёрной кобуре. Лицо его осунулось, он был заметно встревожен и взволнован, но старался не показывать этого. Поздоровавшись со всеми за руку, он повернулся ко мне и потребовал подать ему санитарный автобус для того, чтобы выехать на 35-ю батарею. Он сказал, что его срочно вызывает командующий Приморской армией генерал-майор И.Е. Петров.

Я ему ответил, что санитарная автомашина находится в рейсе. Тогда он тут же приказал командиру батареи лейтенанту Халифу подать ему прожекторную автомашину.

Г.И. Халиф отдал соответствующее приказание командиру прожекторной станции и, пока готовили машину, спросил майора: «Что же нам дальше делать? Ведь снарядов почти не осталось, можно сказать, что их уже нет…».

– Будете оборонять район территории своей батареи стрелковым оружием, – ответил майор Черномазов и после минутного молчания добавил: «Я скоро вернусь. Буду на батарее в 24-00. Тогда получите от меня более конкретные указания в соответствии с приказом генерал-майора И.Е. Петрова».

Подали прожекторную автомашину, он сел в кабину рядом с шофёром и выехал с территории 14-й батареи по направлению к Херсонесскому маяку.

Больше мы его не видели. Он не вернулся. Не вернулась обратно и автомашина. По всей вероятности, они по дороге попали под обстрел и погибли.

Вскоре после отъезда командира дивизиона к нам в потерну пришли все остальные штабные и работники служб дивизиона: военком дивизиона старший политрук Наумов, начальник штаба капитан Касавин, начальник боепитания капитан Зарьков, начальник связи Аванесов, оперуполномоченный особого отдела Пигидо, военин-

женеры Булич и Находный, комбат 702 (112)-ой батареи капитан Никитенко (Никитенко прихрамывал: он был ранен), старшины, писаря, связисты и другие. В потернах стало тесно и душно. Время приближалось к 24 часам. Все ждали возвращения командира дивизиона.

Капитан Зарьков доказывал, что майор не вернётся, вероятно, он вылетит на самолёте или выедет на подводной лодке на Большую землю вместе с руководящим составом флота и Приморской армии и поэтому следует решать нам самим, что делать и как поступать дальше при создавшейся ситуации. Старший политрук Наумов опровергал доводы Зарькова, говорил, что майор вернётся, и мы должны его ждать.

Время подвигалось к часу ночи. Летняя ночь коротка, скоро начнётся рассвет. Майор Черномазов не возвращался. Как-то незаметно из потерны исчезли военинженеры Булич и Находный и оперуполномоченный Пигидо.

Сначала никто не придал этому никакого значения. Думали, что они ушли на разведку. Но они отсутствовали слишком долго, и тогда кто-то из нас вспомнил, что Булич имел в своём распоряжении припрятанный им где-то под скалой дивизионный катерок. О существовании этого катерка в последнее время многие забыли и только сейчас вспомнили о нём.

Этот катерок в период затишья перед июньским штурмом города немцами собрал сам Булич. Он использовал корпус бывшего спортивного катерка, вмонтировал в него мотор из автомашины ГАЗ. Катер был довольно быстроходен и ранее использовался штабом дивизиона как переправочное средство через бухту для связи с батареями.

Теперь же в эту тревожную ночь Находный, Булич и Пигидо, видимо решили на этом катерке переправится на Большую землю.

На следующий день откуда-то стало известно, что они якобы не сумели добраться до Кавказского побережья: то ли не хватило горючего, то ли поломался мотор, но они были обнаружены и подобраны в море немцами.

Что Булич на самом деле оказался в немецком плену, мне довелось слышать после окончания войны. Один из моих товарищей, попавший в немецкий плен в числе 90 тысяч наших воинов весной 1942 года под Лозовой и вернувшийся после войны на Родину, рассказывал мне, что вместе с ним в одном лагере был моряк-инженер Булич, взятый в плен в Севастополе. Наверное это был он.

Наш «Военный совет» вынес решение выпустить последние оставшиеся снаряды по фашистам и вывести батарею из строя.

Громыхнули последние залпы.

Со слезами на глазах моряки-артиллеристы били кувалдами по орудиям, рушили ломом, срывали замки в тусклом свете стеариновых свечей и керосиновых ламп, разбивали динамомашину силового агрегата. Я никогда в жизни не ломал вещей – ни своих, ни чужих, тем более – народных, но на этот раз и я взял тяжёлую кувалду, наносил удар за ударом об упругую сталь.

Открыли баталерку, раздали на руки неприкосновенный запас продуктов питания, табачных изделий и спиртных напитков. Брали, кто сколько хотел, и набивали свои сумки из-под противогаза, наполняли алюминиевые фляги.

Медицинские работники, кроме этого, наполнили свои сумки с красным крестом запасами медикаментов и перевязочных средств.

После этого группу моряков направили в Карантинную бухту и к берегу на поиски плавучих средств – брошенных катеров, шаланд, буксиров, шлюпок. Но они вернулись обратно ни с чем.

Венврач 3 ранга И.С. Ятманов

Время приближалось к трём часам утра. Начальник штаба капитан Касавин и военком дивизиона старший политрук Наумов дали распоряжение в целях рассредоточения живой силы лицам, не имеющим прямого отношения к батарее, выйти на противоположную сторону Стрелецкой бухты и расположится в землянке-блиндаже прожекторной станции. Моряки-артиллеристы 14-й батареи со своим командиром и комиссаром решили остаться пока в потернах массива. С ними вместе остались две подруги: военфельдшер Евдокия Резец и зубной врач Дич. Обе они в последнее время болели. Дич жаловалась на обострение ревматизма. Я звал Дич идти вместе с нами на ту сторону Стрелецкой бухты, но она ответила: «Мне за вами трудно будет по-

спеть, у меня и ноги болят, и сердце. Да и Дусю я не хочу оставлять одну. Вы идите, а мы останемся пока здесь. Что будет…».

Когда мы прощались, она, заплакав, печально сказала: «Быть может вы как-нибудь уцелеете, а я – наверняка нет. Меня как еврейку немцы уничтожат…».

При 14-й батарее остался также старший военфельдшер санчасти батареи Артёмов со своей санитаркой, с которой вместе прошёл через бои под Одессой и с которой вместе приехал в Севастополь.

Артёмову в то время было около шестидесяти лет, его грудь украшал орден Ленина.

Во время защиты Одессы Артёмов служил фельдшером в одном из батальонов, оборонявшем подступы к Одессе. Участок батальона сильно обстреливался немцко-румынским соединением, засевшем в населённом пункте, расположенном на возвышенности. Этот пункт имел важное стратегическое значение, и батальон получил от командования Приморской армии боевое задание выбить из него немецко-румынскую часть.

Командир батальона находился в городе. Военком батальона и командиры рот не решались взять на себя командование батальоном.

Так как они не имели соответствующей подготовки и практического опыта. Большинство из них было из запаса, а часть – из народных ополченцев. Военком батальона решил поручить командование военфельдшеру Артемьеву.

«Товарищ старший военфельдшер, вы же старый кадровый командир, – сказал он ему. – Командуйте батальоном, а я – во всём вам помощник».

Военфельдшер принял командование батальоном. Тактически операция была проведена и выполнена блестяще, точно и к сроку.

Мы тогда с особым уважением относились к бойцам, получившим правительственные боевые награды. Ведь в первые годы войны, когда мы вели оборонительные бои, нас не баловали наградами.

Мы восхищались людьми получившими медали «За отвагу», «За боевые заслуги». Орденами же награждали редко, лишь за особые выдающиеся боевые успехи.

За несколько дней до нашего ухода с 14-й батареи в боевой рубке батареи нам, командно-начальствующему составу, зачитали обращение к севастопольцам Командующего Южным фронтом Маршала Советского Союза С.М. Будённого.

Это обращение мне хорошо запомнилось, хотя и не могу привести его дословно.

Обращаясь к защитникам Севастополя, С.М. Будённый призывал их до последнего вздоха защищать свой родной город – Севастополь. Мобилизовать внутренние ресурсы и ждать помощи извне. «Вы, сыны Отчизны, проявили беспримерное мужество и героизм в борьбе с озверелым врагом, – говорилось в обращении. – Вы должны и сумеете отстоять свой город! На вас смотрит весь мир, на вас – надежда! За Родину!».

Выполняя воинский долг, артиллеристы 14-й береговой батареи оставались на батарее до последнего момента, продолжая отражать атаки немцев стрелковым оружием.

Карнаух П.М. Рисунок к серии «Константиновский равелин»

В третьем часу утра 1 июля мы, горсточка людей Второго отдельного артдивизиона, вышли из потерны и направились к прожекторной станции.

Туманная предутренняя заря вставала над морем. Ясно вырисовывались обрывистые берега, изрезанные многочисленными бухтами и бухточками. Вокруг нас, на суше и на воде, рвались вражеские мины и снаряды. Над головой то и дело взрывалась шрапнель.

Спустившись к Стрелецкой бухте, мы шли цепочкой по самой кромке берега, местами приходилось ложиться и двигаться перебежками. Наконец, добрались до оконечности бухты, обогнув её, перешли на противоположный берег.

Охваченный заревом пожарища, город остался теперь за нашей

спиной. Шли молча и медленно. Добрались до мыска у горловины бухты и разместились в блиндаже прожекторной.

Отсюда был хорошо виден противоположный мысок, занимаемый большим бетонным массивом только что покинутой нами батареи.

Из числа работников медсанслужбы дивизиона вместе со мной прибыли сюда краснофлотцы – фельдшер Кузьменко, санинструктор Григоренко, санитар Гуцоло и шофёр санитарного автобуса Лихота. Итак, мы уже оказались за чертой города, на самом берегу моря и бухты.

Рассвело.

Перед восходом солнца подъехали к нам два грузовика, нагруженные полными мешками. Их сопровождал командир в форме погранвойск и группа краснофлотцев. Краснофлотцы сразу же стали разгружать машины и перетаскивать тяжёлые мешки в заранее подготовленную глубокую яму, которую тут же засыпали землёй.

«Что вы зарываете?» – спросил я. «Вывезли Севастопольский банк, – ответил командир, – в мешках разменные монеты и другие драгоценности. Вернёмся – выроем».

1 июля день провели в блиндаже прожекторной станции. Бои шли уже в самом городе. Весь день слышалась трескотня автоматов и разрывы ручных гранат – с утра на Корабельной стороне, а затем и в центре города. Бои также шли в районе Камышовой и по ту сторону Казачьей бухт. Оттуда доносились звуки артиллерийско-миномётной канонады. Над этим районом висели стаями фашистские бомбардировщики, и оттуда часто слышались глухие звуки рвущихся авиационных бомб. Изредка громыхали раскатистые залпы 35-й башенной береговой 1-го отдельного гвардейского артдивизиона.

Около 14 часов на подступах к Стрелецкой бухте, на территории военно-морского училища появились немецкие танки с автоматчиками на бортах. Танки рвались в направлении 14-й батареи.

У оставшихся в потернах бетонного массива артиллеристов, видимо, кончились патроны и гранаты. Несколько краснофлотцев выскочили из потерны и перебежками, ползком, обходя массив, скрылись за скалой у моря.

Командир батареи Григорий Халиф, комиссар батареи Герман Коломийцев, старший военфельдшер Артемьев геройски погибли в последние дни обороны батареи. После войны в знак признания ратных заслуг личного состава 14-й батареи перед Родиной решением Севастопольского горисполкома от 11 ноября 1962 года в торжественной обстановке на позиции бывшей 14-й батареи была открыта мемориальная доска «В период героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. здесь находилась трёхорудийная 130 милли-

метровая береговая батарея». При входе в ворота батареи по одну сторону высечено «Вечная память героям!», в по другую – «Слава отважным воинам!».

И.С. Ятманов за работой над рукописью книги, 1964 г. [1]

Остатки 14-й береговой батареи бережно охраняются сейчас Высшим военно-морским училищем имени П.С. Нахимова как реликвия Великой Отечественной войны.

Смолкли орудийные залпы. Солнце скрылось за горизонт. Стало смеркаться. На безоблачном небосводе одна за другой зажглись звёзды. На учкуевских и любимовских высотах тусклые лучи вражеских прожекторов, еле ползучие гадюки, зашарили по земле и морю.

Капитан Касавин предложил двигаться по направлению к Камышовой бухте.

Начфин, интендант Роффе, показывая на свою полевую сумку, сказал: «У меня здесь около семнадцати тысяч, которые я не успел раздать личному составу за июнь. Давайте сейчас, пока мы вместе, разделим их между собой…».

– Не стоит. Держите деньги пока при себе, – ответил ему начштаба. – «Правильно, нам они незачем», – поддержали мы. Ночью 1 июля к нам присоединились несколько человек штабных работников Приморской армии, и мы, оставив блиндаж прожекторной станции, тронулись в путь.

Ночь была такая тёмная, как говорится, не видно было ни зги. Чтобы не попасть всем во вражескую засаду, впереди двигалась группа краснофлотцев с автоматами. Мы шли медленно, тесной кучкой, сквозь разрывы мин и снарядов, среди жужжания осколков и свиста пуль, держа наготове автоматы, гранаты. У некоторых была русская трёхлинейка, а некоторые имели только пистолет. Мы отходили к последнему свободному клочку крымской земли и к последнему маяку Крыма – Херсонесу.

В полночь подошли к Камышовой бухте. Возле Камышовой и оконечностью Казачьей бухт сконцентрировалось огромное количество народа, стекавшегося сюда за последние дни из города и его окрестностей в надежде уехать на Большую землю. Люди в этом великом сборище у стен родного города слились воедино: моряки и пехотинцы, кавалеристы и танкисты, артиллеристы и лётчики. Немало было и гражданского населения. Здесь же в беспорядке стояли автомашины, повозки с лошадьми и лошади без повозок и амуниции, полевые пушки, орудийные лафеты, автобусы и другая военная техника. В воронках от авиабомб и снарядов стонали раненые. Их было много.

Немцы днём и ночью продолжали осыпать этот район снарядами и минами. Вся огромная масса людей находилась в безостановочном движении и напоминала какой-то встревоженный муравейник. Над бухтами стоял гул от людского гомона, криков, стонов раненых, плача детей и женщин. Все искали какого-нибудь убежища от огня противника. Но негде было укрыться на этом голом, открытом берегу с догорающими или давно разрушенными постройками...». [32]

В последние дни обороны города И.С. Ятманову удалось эвакуироваться на Большую землю. Передавая училищу в 1963 г. рукопись свой книги, Иван Сергеевич написал на ней:

«Командно-начальственному и личному составу Черноморского высшего военно-морского училища им. П.С. Нахимова в знак благодарности Вам за проявленную заботу по увековечиванию батареи № 14 2-го арт. дивизиона ЧФ как священной реликвии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Простите меня за неряшливость оформления, стиль и грамматику рукописи, её содержание – правда, описана – слезами.

И. Ятманов».